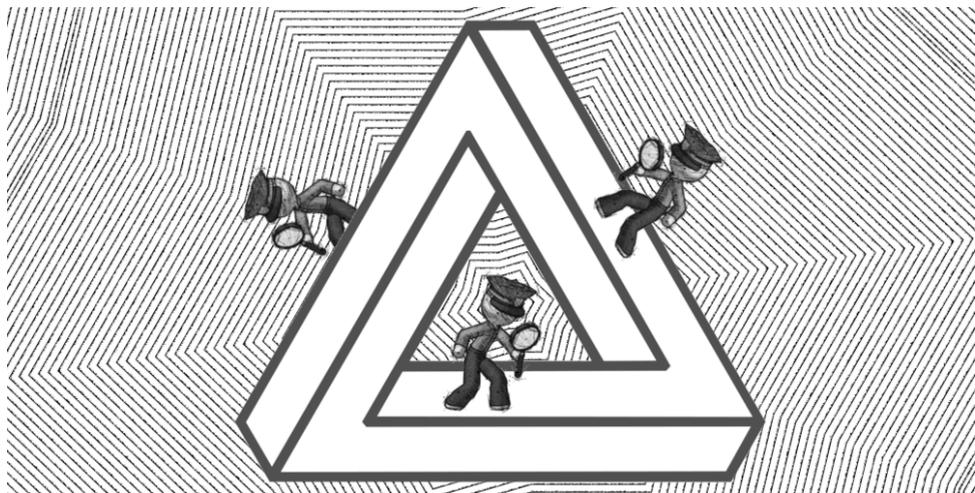

Угрозы, связанные с полицейским расследованием анархистских акций прямого действия

**Угрозы, связанные с полицейским расследованием анархистских
акций прямого действия**

Original text in English

Challenges of Police Investigations Into Anarchist Direct Actions

No Trace Project

Август 22, 2025

Russian translation

Anarchy Today

a2day.org

Layout

No Trace Project

notrace.how/blog/challenges/ugrozy.html

Предположим, что несколько анархистов планируют нелегальную анонимную акцию прямого действия. Например, они хотят разгромить стену, или разгромить банк, или сжечь правительственное здание. Задачи полиции—предотвратить подобные акции и/или выявить и арестовать анархистов и собрать достаточно доказательств для их осуждения. Что может сделать полиция для достижения этих целей в зависимости от ее мотивации, ресурсов, типа акции и способа организации анархистов? С какими трудностями они столкнутся? Как анархистам увидеть в этих угрозах слабость противника, чтобы использовать эти слабости и *не попасться*?

Этот текст стремится дать ответы на эти вопросы и в нем рассматриваются аспекты, которым до сих пор в анархической литературе уделялось мало внимания.

Contents

Базовое наблюдение	4
Расследование деятельности анархических групп	7
После акции	10
Соотношение репрессий и соблюдения «прав человека» .	12
Заключительные замечания	14

Базовое наблюдение

«Реестр—это наша память. Пусть он знает, что вы собрали. Заметки, хранящиеся в ящике стола, возможно, обогатили ваши собственные знания, но не знания отдела. Поэтому позаботьтесь о том, чтобы эта информация была зарегистрирована! Только так вы улучшите способность отдела отвечать на постоянно повторяющиеся вопросы: Кто это и что о них известно?»

— Отрывок из директивы Службы безопасности Швеции (Säkerhetspolisen) от 1953 года.

Еще до того, как анархисты начнут планировать акцию, они уже могут находиться под наблюдением, особенно если выражают свои анархистские идеи в публичных местах или если их подозревают в проведении акций в прошлом. Возможно, их имена внесены в список людей, «представляющих угрозу национальной безопасности», их аккаунты в социальных сетях отслеживаются, их ДНК находится в базе данных, а на их встречи приходят информаторы или лазутчики. Такое базовое наблюдение часто осуществляется разведывательными службами, которым поручено собирать и анализировать информацию для поддержки работы полиции. У полиции долгая память, и собранная ими информация может храниться десятилетиями.

Основная проблема, с которой сталкиваются разведывательные службы, это фрагментация разведанных, когда разные службы или разные отделы одной службы обладают различной информацией по какому-либо вопросу и недостаточно делятся ею друг с другом, что приводит к неоптимальному анализу проблемы. Основной причиной такой фрагментации является секретность: необходимость для агентств держать свою работу в тайне от объектов наблюдения и от общественности. Чтобы свести к минимуму риск утечки информации, обмен ею намеренно ограничивается, в том числе с помощью допусков к секретной информации, разделения отделов и аналитиков, работающих по принципу «что мне нужно знать». Например, местный полицейский департамент мо-

жет не знать, что информатор может предоставить информацию о местной анархистской группе, потому что национальное агентство, нанимающее информатора, не доверяет местному департаменту. Вторичной причиной фрагментации разведанных является межведомственная конкуренция. Ведомства могут неохотно делиться информацией друг с другом из-за различий в стратегических или политических целях. Например, в США Центральное разведывательное управление (ЦРУ) отдает приоритет долгосрочному сбору разведанных, а Федеральное бюро расследований (ФБР)—краткосрочным расследованиям, ведущим к судебному преследованию. Кроме того, ведомство может не захотеть делиться информацией с другим ведомством из соображений самосохранения: возможно, грядет сокращение бюджета, и обмен информацией подорвет способность ведомства доказать политическим лидерам свою значимость и избежать увольнений.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются спецслужбы, анализ больших объемов собранной информации. В настоящее время компьютеры очень хорошо справляются с узким набором задач, таких как сопоставление профиля ДНК с миллионами других профилей или поиск ключевого слова в миллиардах цифровых файлов. Но они все еще уступают человеческим когнитивным способностям во многих других задачах, таких как решение сложных, новых проблем, которые часто возникают в полицейских расследованиях. В результате, спецслужбы по-прежнему нуждаются в людях для анализа большей части собираемой ими информации.

Поэтому разведывательные агентства должны бороться с индивидуальными ограничениями людей, которых они нанимают. Сотрудники агентства ограничены своими интеллектуальными способностями, привычками и знаниями и могут иметь личные интересы, которые не совпадают с интересами их агентства. Например, во время Чемпионата мира по футболу 2010 года в Великобритании исследователь сопровождал полицейскую группу наблюдения, проводившую операцию по физическому наблюдению. Ожидая, пока объект наблюдения покинет свой дом, иссле-

дователь находился в паре в машине с оператором наблюдения, который был больше озабочен попытками получить сигнал на своем портативном телевизоре для просмотра проходившего тогда футбольного матча, чем операцией по наблюдению. В своих заметках исследователь писал: «Бдительность находится на рекордно низком уровне. Мы кружим по автостоянке со скоростью улитки, пытаюсь найти лучший сигнал. Я высунул руку в окно, пытаюсь прикрепить антенны [телевизора] к крыше.»

В некоторых странах на работу спецслужб влияет широко распространенная коррупция в их рядах. Коррумпированные сотрудники ведомств и полиции могут брать взятки, фальсифицировать доказательства, неправильно обращаться с секретной информацией ради личной выгоды или выборочно выполнять свои обязанности. Они могут предпочесть работать над делами, которые могут принести им взятку или продвижение по службе, и избегать дел, требующих много времени и бумажной работы.

Расследование деятельности анархических групп

«Анархистские группы, в соответствии со своей основной идеологией, отвергают власть. Это отражается в их более горизонтальных организационных структурах, в которых обычно отсутствует вертикаль командования или руководства, вместо этого они полагаются на децентрализованные кластеры и отдельных лиц, связанных идеологической близостью и солидарностью.»

— Доклад о ситуации и тенденциях в области терроризма в Европейском Союзе, 2024 год.

Анархисты начинают планировать акцию. Сумма людей, которые планируют и осуществляют акцию, и есть то, что мы называем «анархистской группой». Эта группа может уже существовать или быть создана для конкретной акции. Он может прекратить свое существование после акции, а может сохраниться и проводить новые акции. Он может действовать очень спонтанно или с большой подготовкой, или что-то среднее. Она может действовать самостоятельно или быть частью координации нескольких групп, работающих вместе. Такая координация может быть очень тесной, когда участвующие группы планируют и проводят акции вместе, или очень свободной, когда участвующие группы просто подписывают свои соответствующие заявления о действиях одной и той же аббревиатурой или чем-то промежуточным.

Структурная изменчивость анархистских групп и их методы оперативной безопасности делают их относительно устойчивыми к попыткам проникновения полиции. Исследование, проведенное в 2005 году в Соединенных Штатах, выявило проблемы проникновения в анархистские группы: «Проникнуть на большие собрания аффинити-групп относительно просто. Однако проникновение в радикальные революционные «ячейки» совсем не просто. Участникам движения свойственна подозрительность и принимаемые

ими меры безопасности делают проникновение сложным и трудоемким. Немногие спецслужбы способны потратить много лет предварительной работы, чтобы просто попасть в 'ячейку,' особенно учитывая сокращающиеся бюджеты и повышенные требования к вниманию к другим вопросам. Инфильтрация осложняется общинным характером образа жизни анархистов (где каждый под постоянным наблюдением и контролем) и обширными знаниями, которыми обладают многие анархисты, для приобретения которых требуются значительные усилия и время.»

Крепкие узы близости, а иногда и дружбы, которые обычно объединяют участников анархистских групп, делают их относительно устойчивыми к попыткам полиции завербовать членов группы в качестве информаторов. Несмотря на это, мы видели, как анархисты становились информаторами в надежде избежать тюремного заключения, или по идеологическим причинам (например, их ненасильственная позиция заставляет их доносить на анархистов, предпочитающих насильственную тактику), или под угрозой физического насилия, или за деньги.

Некоторые полицейские и спецслужбы знают о том, что мы здесь описали, и соответствующим образом адаптируются. В 2004 году Отдел по борьбе с терроризмом ФБР оценил ситуацию: «Тщательно изучая потенциальных информаторов и агентов под прикрытием, экотеррористы более способны помешать успешному проникновению правоохранительных органов. Сотрудники правоохранительных органов должны [...] признать, что экотеррористы внимательно изучают тактику, процедуры и политику правоохранительных органов. В следствие этого, для операций под прикрытием нужен творческий подход и их надо тщательно планировать [...]»

Нерешенные конфликты внутри анархистских групп создают линии разлома, которые полиция может использовать для дестабилизации групп. Например, неразрешенные конфликты по поводу законности применения насилия могут быть использованы полицией для разделения анархистов на две противоборствующие «стороны» и облегчения их репрессий.

В некоторых контекстах, особенно в городских районах некоторых стран, существуют сильные левые, панковские, антифашистские или автономистские сцены. Присутствие этих сцен может предоставить анархистам социальные связи и возможности поделиться своими идеями, а также помочь защитить их от полицейских репрессий. В исследовании, проведенном в Великобритании в 2015 году по поводу проблем сбора разведанных о группах активистов, склонных к насилию, отмечалось: «Дальнейшая путаница и сложность возникают, когда мирные и благонамеренные активисты сознательно или бессознательно смешиваются с агрессивными и опасными. Это особенно создает нам проблемы, когда группы, которые заявляют, что они сторонники ненасилия, предоставляют убежище активистам, которые готовят более радикальные акции криминального характера.»

После акции

«Мы ограничиваем ДНК прикосновения. Мы ограничиваем его только насильственными преступлениями. Редко когда мы получаем результат по прикосновению. Иногда мы это делаем, но редко. Это не так очевидно даст вам результаты, как ДНК с одежды. Но мы сделаем еще один шаг в отношении насильственных преступлений. В настоящее время у нас просто нет ресурсов, и мы пытаемся сделать это как можно более эффективным, когда проводим наши тесты и используем наши ресурсы и время наших людей».

— *Выдержка из стенограммы семинара 2018 года, проведенного во Флориде, США, отделом судебно-медицинской экспертизы Департамента правоохранительных органов Флориды, в котором приняли участие полицейские следователи, пользующиеся их услугами.*

Анархисты совершили акцию. Полиция прибыла на место, и началось расследование. В ближайшие часы, дни, месяцы и годы, полиция может использовать широкий спектр следственных методов для идентификации анархистов и собрать достаточно доказательств для их осуждения... или они могут не расследовать вообще, или что-то посередине. Мотивация сотрудников полиции расследовать действия, а также людские и материальные ресурсы, которые они выделяют для этого, зависят от нескольких факторов.

Два фактора, которые увеличивают мотивацию и ресурсы полиции—это экономический ущерб, причиненный действиями (сколько было потеряно при уничтожении или краже) и человеческий ущерб (насколько они причинили вред людям). Кроме того, *потенциальный* экономический или человеческий ущерб от действия может иметь такое же влияние, как и *фактический* экономический или человеческий ущерб. Например, поджог, который не причинил никакого ущерба из-за использования зажигательного устройства, которое не сработало, но нанесло бы большой ущерб, если бы это устройство сработало, может быть расследован так же тщательно.

Другой фактор—политический контекст действий. Действие, скорее всего, будет расследовано более тщательно, если оно нацелено на человека, компанию или учреждение, которое больше благоприятствует государству или полиции, например, важный политик, крупная компания или само полицейское учреждение. Политический контекст может измениться: предстоящие выборы могут побудить государство инвестировать больше в подавление анархистов, чтобы показать свою силу, а серия действий против компании может заставить ее лоббировать государство, чтобы оно инвестировало больше в подавление действий, которые нацелены на эту компанию. Например, во Франции в 2019 году, после роста насильственных действий против промышленного сельского хозяйства, лоббисты от промышленного сельского хозяйства страны добились создания нового полицейского подразделения, сосредоточенного на сборе информации по этому вопросу.

Наконец, способность полиции проводить успешное расследование зависит, конечно же, от мер безопасности, принятых анархистами до, во время и после акции. Некоторые полицейские ведомства знают, что анархисты склонны принимать передовые меры безопасности, и по этой причине могут превентивно увеличить ресурсы, выделяемые на расследование действий, если есть подозрение, что эти действия были осуществлены анархистами. В исследовании 2018 года проведенном в Великобритании отмечалось: «[тот] факт, что [внутренние экстремисты] настолько осведомлены о криминалистике, оправдывает использование ресурсов, более соответствующих тяжким преступлениям, для улучшения показателей выявления преступлений, например, сохранение места происшествия для максимального извлечения доказательств.»

Если мы сравним количество акций прямого действия, о которых сообщалось в анархистских медиа (и тех, где анархисты брали на себя ответственность и тех, где таких заявлений не было), с количеством арестов анархистов, мы можем оценить, что в большинстве контекстов подавляющее большинство анархических прямых действий никогда не расследуются успешно.

Соотношение репрессий и соблюдения «прав человека»

«Все люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах [...] Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию [...] Все равны перед законом и имеют право без какой-либо дискриминации на равную защиту закона [...] Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или высылке [...] Каждый имеет право в полном равенстве на справедливое и публичное разбирательство независимым и беспристрастным судом [...] Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его частную жизнь [...]

— *Всеобщая декларация прав человека, 1948.*

Скажем, анархисты, к сожалению, были идентифицированы полицией, которая теперь должна решить, как подавить их. Этот выбор обычно ограничен относительной необходимостью государства уважать «права человека.» Страны имеют различные подходы к соблюдению «прав человека,» в зависимости от их внутренней политической ситуации, геополитических альянсов и других исторических факторов. Например, за одно и то же действие анархисты могут быть заключены в тюрьму в Испании, подвергнуты пыткам и заключению в тюрьме в России или казнены в Иране.

Относительное соблюдение государством «прав человека» может повлиять на возможности его полиции по наблюдению. Например, автоматизированная идентификация разыскиваемых лиц с помощью распознавания лиц в общественных сетях видеонаблюдения широко распространена в Китае и России, но не используется (пока) в Западной Европе.

Репрессии полиции, воспринимаемые как слишком жесткие, могут привести к негативной реакции. Возможна негативная реакция средств массовой информации в виде негативных репортажей местных журналистов, межправительственных организаций,

таких как Организация Объединенных Наций, или неправительственных организаций, таких как Международная амнистия. Ответная реакция также может принимать форму кампаний солидарности других анархистов, которые могут использовать прямое действие. Например, в 2022 году итальянское государство решило перевести заключенного-анархиста Альфредо Коспито на более жесткий тюремный режим. Решение привело к 180-дневной голодовке Cospito, а также к международной кампании солидарности, включавшей нападения на итальянские дипломатические представительства в нескольких странах. В исследовании 2024 года отмечалось: «Дело Коспито лучше всего показывает, что тяжелая рука итальянской судебной системы значительно способствовала эскалации ситуации. Как всегда, пропорциональный подход, который не делает чрезмерного акцента на военный ответ и который придерживается демократических принципов и верховенства права должен быть краеугольным камнем любой контртеррористической стратегии.»

Заключительные замечания

Мы обсуждали здесь некоторые проблемы, с которыми сталкивается полиция при расследовании действий анархистов. Как мы можем использовать эти слабости системы, чтобы действовать *не попадая в ловушку*? Вот некоторые предложения.

Следует ожидать, что базовое наблюдение, проводимое разведывательными службами, будет частичным, неоптимальным и иногда даже не в интересах полиции. Они не знают всего о вас. Они могут ничего не знать о вас. Они просто люди с большой властью, деньгами и инструментами.

Осознайте, что структурная гибкость и прочные связи ваших групп обеспечивают важные преимущества в плане безопасности. Создавайте децентрализованные группы, основанные на *affinité* и доверии. Следуйте принципу «каждый должен знать только то, что ему необходимо знать.»

Урегулируйте конфликты внутри ваших групп, прежде чем они могут быть использованы полицией. Некоторые конфликты слишком глубоки, чтобы их можно было разрешить: позволить группам реформировать себя и разделиться, не настаивайте на единстве.

Определите, когда и как ваши отношения с другими политическими сценами могут положительно повлиять на вашу безопасность. Ваша безопасность может потребовать от вас лгать или скрывать свои истинные намерения. Решайте, что вы готовы делать на основе ваших принципов, а не принципов государства.

Оцените вероятную мотивацию и ресурсы полиции для расследования ваших действий и примите соответствующие меры безопасности на основе этой оценки. Изучайте прошлые репрессивные операции. Начинайте практику с мелкими акциями, прежде чем делать более крупные. До, во время и после акции минимизируйте оставленные следы, которые могут привести к

вам. Решайте, какие риски вы готовы брать на себя и с какими возможными последствиями сможете жить.

Примите во внимание, что деятельность полиции ограничивается относительной необходимостью государства уважать «права человека.»

Полиция не всемогущая. Вы можете удивить их, вы можете победить их, вы можете проскользнуть мимо их сетей. Мы желаем вам мужества, силы и удачи.

No Trace Project

Предположим, что несколько анархистов планируют нелегальную анонимную акцию прямого действия. [...] Задачи полиции— предотвратить подобные акции и/или выявить и арестовать анархистов и собрать достаточно доказательств для их осуждения. Что может сделать полиция для достижения этих целей в зависимости от ее мотивации, ресурсов, типа акции и способа организации анархистов?

No Trace Project / No trace, no case. A collection of tools to help anarchists and other rebels **understand** the capabilities of their enemies, **undermine** surveillance efforts, and ultimately **act** without getting caught.

Depending on your context, possession of certain documents may be criminalized or attract unwanted attention. Be careful about what zines you print and where you store them.